

Дальній Востокъ ¹⁾.

I.

Вопросъ о землеустройствѣ въ Сибири, уже отмѣченный В. Гольмстремомъ въ «Дальневосточномъ обзорѣни», настолько важенъ, что за его развитіемъ нельзя не слѣдить. То или иное поземельное устройство въ Сибири коренного населенія, пришельцевъ и инородцевъ не можетъ не отразиться на благосостояніи края, а значить окажетъ вліяніе на подготовку будущихъ операцій на Дальнемъ Востокаѣ.

Новый законопроектъ о Сибирскомъ поземельномъ устройствѣ намѣчаетъ отводъ надѣловъ не только русскому населенію Сибири, но и инородцамъ «за исключеніемъ бродячихъ». Но многіе изъ инородцевъ давно перешли къ осѣдлому образу жизни и занимаются земледѣліемъ, номинально числясь въ разрядѣ бродячихъ, а потому признано нужнымъ ограничить въ преимуществахъ новаго землеустройства лишь инородцевъ, «дѣйствительно являющихся бродячими».

¹⁾ «Дальневосточное Обзорѣніе» 1912 г., № 1 (16).

Сибирская пресса предупреждаетъ, что ломка старыхъ формъ землевладѣнія должна производиться съ особой осмотрительностью, потому что формы эти выработаны вѣками и тѣсно связаны съ укладомъ жизни инородцевъ, составляющихъ 13⁰/₀ всего населенія края. А газета «Забайкальская Новь» высказалась, что реформа задумана съ цѣлью приведенія инородцевъ къ осѣдлому образу жизни ради пополненія «рядовъ нашего казачьяго населенія казаками изъ инородцевъ».

Однако, инородцы и сами начинаютъ усиленно переходить къ осѣдлому быту, чему способствуетъ уменьшеніе свободныхъ земель и невозможность «пользоваться землей на основаніи захватнаго права». Препятствіемъ же къ окончательному переходу инородцевъ къ осѣдлости «служитъ боязнь привлеченія ихъ, по перечисленіи въ осѣдлые инородцы, къ отбыванію воинской повинности». Во всякомъ случаѣ, порядокъ землепользованія инородцевъ неудовлетворителенъ и требуетъ коренной реформы, на что и обращено вниманіе поземельно-устроительныхъ комиссій, по возможности разрѣшающихъ конфликты, создающіеся на почвѣ землепользованія. Впрочемъ, инородцы недовольны этими комиссіями и часто жалуются на нихъ. И немудрено, такъ какъ дѣйствующій законъ со всѣми разъясненіями и дополненіями «такъ расплывчивъ и неопредѣленъ, что, по волѣ того или иного отдѣльнаго «землеустроителя», землеустройству въ любой моментъ можетъ быть сообщено то или иное направленіе».

Много жалобъ слышится на Алтаѣ. Тамъ возникъ даже судебный процессъ. Инородцы предъявили въ Томскомъ окружномъ судѣ искъ къ управленію Алтайскаго округа, прося признать за ними землю (около 40 тысячъ десятинъ), права на которую доказывали приложенной копіей жалованной грамоты Царя Алексѣя Михайловича. Жалобщики выиграли процессъ, доказывая наглядно, что «вопросъ о земляхъ, принадлежащихъ инородцамъ на правахъ собственности, долженъ быть разрѣшенъ на мѣстахъ лишь съ особой осторожностью».

Недовольны алтайскіе инородцы и переселенцами, съ которыми постоянно происходятъ столкновенія, чему могли бы положить предѣлъ тѣ же поземельно-устроительныя комиссіи. Но и послѣ производства землеустроительныхъ работъ отношенія между инородцами и переселенцами не налаживаются въ виду того, что «наръзка земли какъ тѣмъ, такъ и другимъ, производится совмѣстно». А для всякаго, знакомаго съ жизнью алтайцевъ, ясно, что «совмѣст-

ная инородцамъ и наличнымъ русскимъ элементамъ нарѣзка земли невыснима».

Инородцы Алтая относятся къ предполагаемой реформѣ землеустройства въ общемъ отрицательно; велика также тревога въ Тобольской губерніи среди татаръ и бухарцевъ, боящихся перевода ихъ на обще-крестьянское положеніе. Замѣчалось волненіе инородцевъ и въ Енисейской губ. Дѣло въ томъ, что населеніе Абаканской степи на огромномъ пространствѣ занимается скотоводствомъ. Количество занятой инородцами земли удовлетворяетъ ихъ нуждамъ потому, что они часто переводятъ скотъ съ вытравленнаго мѣста на свѣжее, а весной съ покоснаго мѣста въ степь, т. е. «съ зимняка на лѣтникъ, чтобы для сѣнокошенія дать возможность травѣ вырости на покосѣ». При поземельномъ же устройствѣ явится норма землевладѣнія и скотоводство падеть, что доказывается простымъ расчетомъ. Чтобы накормить лошадь въ теченіе сутокъ, надо ее четыре раза перевести на свѣжее мѣсто размѣромъ каждый разъ въ 25 кв. сажень. Значитъ, «за сутки лошадь съѣстъ траву на площади въ 100 кв. сажень, попортитъ и корни у этой травы. Если у хозяина есть 24 лошади, то въ сутки онѣ оголятъ цѣлую десятину. Но, кромѣ лошадей, у нѣкоторыхъ инородцевъ приходится считать сотнями рогатый, крупный и мелкій скотъ».

Въ Иркутской губ. и Забайкальской области недовольны буряты, подумывающіе о выселеніи. И не удивительно; для инородцевъ получается заколдованный кругъ: «скотоводствомъ заниматься нельзя, такъ какъ отведенный надѣлъ слишкомъ малъ, а перейти къ земледѣльческому хозяйству тоже нельзя, такъ какъ отводимыя земли удобны только для скотоводства». Результатомъ подобнаго положенія вещей является то, что Забайкалье, «прежде снабжавшее мясомъ Пріамурье, теперь сильно нуждается въ привозномъ мясѣ. И здѣсь, какъ въ хлѣбѣ, зависимость отъ сосѣдняго Китая съ каждымъ годомъ увеличивается».

Законопроектъ, имѣющій въ виду устройство населенія на казачьихъ земляхъ, не распространяется на земли, составляющія собственность казачьихъ войскъ. Вопросъ о землепользованіи у самихъ казаковъ поставленъ не одинаково. Забайкальское войско находится въ худшихъ условіяхъ, нежели Амурское и Уссурийское. Если сообщенія газетъ не преувеличены, забайкальцы «переживаютъ по всѣмъ признакамъ острый кризисъ, вслѣдствіе малоземелья». Прежде этотъ вопросъ обстоялъ гораздо лучше; въ 1851 г. Забайкальскимъ казакамъ было отведено по 30 десятинъ на каж-

дую мужскую душу. Этого было настолько достаточно, что привлекало инородцевъ, «выражавшихъ желаніе перечислиться въ казаки». Тогда, за малочисленностью казаковъ, «земельные отводы ихъ и приближались къ указаннымъ нормамъ, а теперь они уменьшились въ 5—6 разъ. Неудивительно, что казаки бѣгутъ и въ степной районъ и въ сосѣднія казачьи войска. Въ широкихъ размѣрахъ такое бѣгство наблюдалось среди казаковъ 3 и 4 военныхъ отдѣловъ.

Съ незапамятныхъ временъ казаки, разбросанные по границамъ съ Монголіей и Манчуріей, пользовались землей на китайской территоріи бесплатно, если не считать незначительныхъ подарковъ начальникамъ китайскихъ пограничныхъ карауловъ. Казаки захватили лучшіе сѣнокосы и пашни, образовавъ отдѣльные поселки по долинамъ рѣкъ Гана, Хабула и Деркула. Ревностно оберегая эти земли, какъ свою собственность, казаки «не допускали мысли, что когда нибудь придется разстаться съ насиженными мѣстами».

Но вотъ наступилъ 1900 годъ; боксерское возстаніе докатилось до нашей границы и казакамъ пришлось поспѣшно очищать захваченныя земли. Послѣ усмиренія «такъ называемыхъ китайскихъ беспорядковъ», казаки вернулись на прежнее мѣсто, но, послѣ войны съ Японіей, «долго терпѣвшіе произволъ китайцы самымъ рѣшительнымъ образомъ выдворили нашихъ казаковъ съ захваченныхъ земель». Съ этихъ поръ, особенно начиная съ 1908 г., пользование землей обложено китайцами арендной платой настолько высокой, что «только четыре Приаргунскія станицы вносятъ китайцамъ около 25.000 р. въ годъ. И это лишь за пастбище и сѣнокосы, распашка же полей и заготовка лѣсныхъ матеріаловъ китайцами совсѣмъ запрещены».

Мало того, казаки стѣснены особыми условіями, выработанными въ Цицикарѣ и безъ отступленія соблюдаемыми китайскими властями. «Учредивъ по границѣ, противъ русскихъ поселеній, караулы изъ пѣхотныхъ частей въ европейскомъ обмундированіи и вооруженныхъ винтовками новаго образца, *китайцы держатъ казачье населеніе въ полномъ повиновеніи* въ смыслѣ строгаго исполненія продиктованныхъ условій».

Насколько эти условія тяжки, можно судить по отношенію китайцевъ къ попадающимъ къ нимъ казачьимъ лошадямъ. «Пойманныя китайцами лошади сейчасъ же передаются китайскимъ солдатамъ, а тѣ потомъ раздѣзжаютъ на казачьихъ лошадяхъ по дѣламъ своей службы».

Китайцы просто глумятся надъ казаками, которые все терпятъ изъ-за малоземелья. «Это послѣднее обстоятельство служить лучшимъ опроверженіемъ предвзятаго мнѣнія о многоземельѣ казаковъ, а равно о сдачѣ ими своихъ земель китайцамъ». Все то же малоземелье заставляеть казаковъ волноваться по поводу производящагося «отграниченія части земельныхъ надѣловъ въ войсковой запасъ». Казаки стали опротестовывать дѣйствіе своего войскового правленія, указывая, что, при размежеваніи, въ казачьи владѣнія отходятъ худшія земли: «безводные горные склоны и великолѣпныя по живописности ущелья, доступныя лишь для крылатыхъ обитателей горныхъ вершинъ».

Сокращеніе земель, благодаря зачисленію ихъ въ войсковой запасъ, начинаетъ скверно отражаться на хозяйствѣ казаковъ. И вотъ, въ станицѣ Могойтуй, въ первый разъ за все время ея существованія, поставленъ и обсужденъ вопросъ «объ улучшеніи сельскохозяйственнаго быта казаковъ путемъ примѣненія культурныхъ мѣропріятій».

Благодаря системѣ общиннаго землевладѣнія, «ни одинъ даже хорошій земледѣлецъ земли не удобряеть», потому что участокъ его при первомъ же перѣдѣлѣ можетъ отойти другому и не оправдать трудовъ и затратъ. Въ видахъ увеличенія благосостоянія забайкальцевъ указывается на желательность заимствованія системы землепользованія, примѣняемой въ Оренбургскомъ и другихъ казачьихъ войскахъ, гдѣ земельный надѣлъ дается казаку въ пожизненное владѣніе.

Амурское и Уссурійское казачьи войска владѣютъ 14.827.800 десятинъ земли, изъ нихъ Амурскіе казаки располагаютъ 5.785.000 десятинъ и Уссурійскіе—9.042.800 дес. Стоимость этой земли настолько велика, что «территорія земли, отведенной только для Уссурійскаго войска, оцѣнивается въ 1.000.000.000 рублей». Войсковыя власти ведутъ рѣшительную борьбу за каждую пядь земли въ предѣлахъ этой территоріи, но не всегда удачно, потому что въ 1908 г. переселенческое движеніе проложило себѣ путь и въ казачьи земли.

Относительно занятія казачьихъ земель переселенцами ведется усиленная междувѣдомственная борьба. Выставляется преимущество крестьянской колонизаціи, подтверждаемое тѣмъ фактомъ, «что 20—30 крестьянъ обыкновенно занимаютъ такую же площадь, какъ казачья семья въ 6—7 чел., а также, что казачья колонизація развивается очень слабо». вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается, что казаки «не

прочь перейти въ крестьянское сословіе, при условіи сохраненія существующихъ надѣловъ».

Экономическое положеніе Амурцевъ и Уссурийцевъ должно бы быть лучше Забайкальцевъ, на дѣлѣ же, какъ говоритъ газета «Амурскій Піонеръ», казаки «заняли лучшія мѣста на всемъ протяженіи Амура и на этихъ мѣстахъ плодятъ нищету и пьянство... У казаковъ всѣ данныя къ тому, чтобы богатѣть и благоденствовать, а они живутъ несмотря на это столь плохо, что изъ всѣхъ угловъ проглядываетъ нищета».

Что касается Семирѣченскаго казачьяго войска, то здѣсь не наблюдается остраго малоземелья, какъ у Забайкальцевъ, но земельный вопросъ и тутъ ждетъ своего разрѣшенія, вслѣдствіе неопредѣленности правъ казаковъ на занимаемыя ими земли.

Покончивъ на этомъ съ обзоромъ вопросовъ землеустройства и землепользованія въ Сибири, В. Гольмстремъ даетъ весьма интересную картину событій, вызванныхъ въ Китаѣ націонализацией желѣзнодорожныхъ магистралей.

Въ этомъ предпріятіи выразилось, какъ извѣстно, послѣднее активное выступленіе стараго китайскаго режима. Правительство сознавало насколько страна нуждается въ новыхъ путяхъ сообщенія и хотѣло принять мѣры противъ полнаго застоя желѣзнодорожнаго строительства. Въ концѣ 1910 г. былъ изданъ указъ, стѣснившій права провинціальныхъ генераль-губернаторовъ относительно заключенія внутреннихъ желѣзнодорожныхъ займовъ; стѣснялись они и въ правахъ по выбору желѣзнодорожныхъ служащихъ и по сдачѣ подрядовъ на поставку желѣзнодорожныхъ матеріаловъ. Видимо, центральное правительство желало взять въ свои руки заключеніе всѣхъ безъ исключенія желѣзнодорожныхъ займовъ.

Дѣйствительно, въ маѣ 1911 г. Пекинское правительство подписало крупный иностранный заемъ на расширеніе центрально-китайскихъ желѣзныхъ дорогъ. Хотя условія этого займа, въ общемъ, были менѣе унижительны, чѣмъ условія прежнихъ иностранныхъ займовъ, «но и они болѣзненно отозвались на національномъ самосознаніи китайцевъ, бывшемъ за послѣднее время особенно повышеннымъ». Этого не сумѣло учесть Пекинское правительство, у котораго «матеріальныя соображенія перевѣсили даже чувство національнаго самолюбія».

Главными выразителями неудовольствія дѣйствіями правительства явились провинціальные нотабли или «шенъ-ши». Они стали во главѣ начавшагося движенія, увлекаая за собой остальное насе-

леніе и сперва даже подчинивъ себѣ высшую провинціальную администрацію. Тревожное настроеніе охватило всѣ провинціи, гдѣ была начата или предполагалась постройка желѣзныхъ дорогъ, т. е. въ Хубей, Хунани, Гуаньдунѣ и Сычуани. Въ первыхъ трехъ провинціяхъ движеніе быстро пошло на убыль, а въ отдаленной Сычуани оно сразу приняло острую форму и «оттуда вновь распространилось уже съ явнымъ революціоннымъ оттѣнкомъ на уснѣвшія было успокоиться провинціи».

Видя непримиримость нотаблей, правительство стало искать поддержку въ простомъ народѣ, возстанавливая его противъ нотаблей. Но было поздно. Сычуаньскія событія пошли быстрымъ темпомъ. Въ Сычуани, прилегающей къ Бирмѣ, давно ходили слухи о намѣреніи англичанъ захватить пограничныя китайскія провинціи. Слухи находили себѣ подтвержденіе и въ цѣломъ рядѣ англійскихъ предприятий, заставившихъ Юннаньскаго вице-короля оккупировать сильнымъ отрядомъ войскъ Ришу, расположенную на границѣ. Между прочимъ интересно отмѣтить, что именно туда отправлена недавно англо-индійская экспедиція подъ предлогомъ наказанія чѣмъ-то провинившихся туземцевъ, а вторая экспедиція отправилась въ землю аборовъ, на границѣ Бадаига и Юннаня. Вообще, по ходу событій, можно было ожидать, что въ первый разъ англичане съ китайцами сдѣлаются именно на территоріи Юннаньской и Сычуаньской провинцій. Все это, вмѣстѣ взятое, не могло не возстановить населеніе этихъ провинцій противъ англичанъ и «участіе Англій въ Хучуанскомъ займѣ создало опасенія сычуанцевъ за неприкосновенность своей доселѣ почти независимой провинціи».

Населеніе Чендуфу, главнаго города Сычуани, встрѣтило спокойно указъ о переходѣ желѣзныхъ дорогъ въ казну; многіе даже радовались по поводу отмѣны налоговъ въ пользу новыхъ путей сообщенія. Но положеніе сильно измѣнилось, когда получилось извѣстіе о заключеніи правительствомъ иностраннаго займа у группы банкировъ четырехъ державъ. На другой же день городъ былъ заваленъ прокламаціями. Агитація шла со стороны желѣзнодорожнаго общества, рассчитывавшаго, что несочувствіе населенія иностранному займу побудитъ его присоединиться къ протесту противъ перехода желѣзныхъ дорогъ въ казну. Затѣмъ учредили «Общество для защиты желѣзныхъ дорогъ», съ отдѣленіями для пропаганды, для устройства митинговъ и другими. Сычуаньскіе чиновники послали правительству требованіе, чтобы Сычуаньскія желѣзныя дороги хотя бы временно строились и управлялись мѣст-

ными силами, а 25-го августа въ Чендуфу состоялась многочисленная сходка акціонеровъ желѣзныхъ дорогъ, рѣшившихъ прекратить уплату коренныхъ налоговъ и сформировать ополченіе для противодѣйствія правительственнымъ войскамъ; сходка закончилась нападеніемъ 3-хъ тысячной толпы на дворець вице-короля.

Только 2-го сентября послѣдовалъ императорскій указъ о движеніи къ Сычуани всѣхъ свободныхъ войскъ провинцій Хубей и Гуйчжоу. Покуда же войска шли, китайская печать громко выражала сочувствіе сычуанцамъ и столица начала волноваться. Пекинское правительство имѣло основаніе торопиться съ ликвидаціей мятежа, такъ какъ имѣлось свѣдѣніе, что «новыя волненія нужно разсматривать какъ революціонное движеніе, направленное противъ существующаго строя». Вообще, становилось яснымъ, что Сычуаньскій мятежъ является однимъ изъ выступленій противъ Манчжурской династіи, организованнымъ южно-китайскими революціонерами, бѣжавшими послѣ Кантонскаго бунта въ Юннань, а оттуда перешедшими въ Сычуань.

А въ Сычуани 2.000 отличныхъ солдатъ новаго строя, стоявшихъ близъ Чендуфу, въ началѣ мятежа покинули казармы и перешли въ лагерь, въ 5-ти миляхъ отъ осажденнаго города. «Эти войска отказались поддерживать какъ вице-короля, такъ и мятежниковъ, и объявили о своемъ довольно своеобразномъ нейтралитетѣ». Такимъ образомъ, «европейски организованныя войска еще разъ доказали свою ненадежность».

Защита города почти цѣликомъ легла на старыя дореформенныя войска, «уже неоднократно, не въ одной только Сычуани, доказавшія свою преданность престолу, и въ этомъ отношеніи выгодно отличающіяся отъ частей позднѣйшаго формированія». Понятно, что при такихъ условіяхъ вице-король Чжао-эръ-фынь не могъ помѣшать перерыву мятежниками всѣхъ путей сообщенія со столицей.

7-го сентября въ Пекинѣ получилось донесеніе вице-короля «о снятіи осады съ Чендуфу и полномъ, казалось, разгромѣ мятежниковъ». Успѣхъ Чжао-эръ-фыня надо приписать прибытію къ нему 2.000 лично ему преданныхъ войскъ, «его бывшихъ соратниковъ по Тибетскому походу, своевременно вызванныхъ имъ съ Сычуань-Тибетской границы». Но едва окрестности Чендуфу были очищены, какъ пришлось спѣшно вернуть въ Тибетъ взятый оттуда отрядъ, а мятежники вновь стали приближаться къ Чендуфу, обладая отлично организованными войсками; совместно съ ними дѣйствовали ополченія революціонеровъ. Въ Юннанѣ войска прави-

тельства терпѣли пораженія; въ окрестностяхъ Чендуфу произошли столкновенія, мятежники были вооружены прекрасными ружьями, правительственныя войска отступили. Внимательные наблюдатели тогда уже опредѣлили, «что Сычуаньскій мятежъ, постепенно получавшій все большую и большую революціонную окраску, являлся какъ бы прологомъ къ великой китайской революціи».

II.

Революціонное движеніе въ Китаѣ даетъ основаніе для возникновенія самыхъ противорѣчивыхъ и фантастическихъ слуховъ, къ которымъ надо относиться съ величайшей осторожностью. Въ то время, какъ Пекинскіе корреспонденты «Daily Telegraph» и «New-York Herald» отстаивали интересы китайскаго правительства, корреспондентъ «Times'a», извѣстный Моррисонъ, «открыто перешелъ на сторону революціонеровъ», считая, что ихъ побѣда будетъ «весьма выгодна Англіи».

Вѣрныхъ свѣдѣній о ходѣ революціи не имѣло даже китайское правительство, вернувшее обратно «направлявшихся въ Ханькоу иностранныхъ военныхъ агентовъ и корреспондентовъ». Вотъ почему, пока, происходившее въ Китаѣ событіе можно изложить лишь въ общихъ чертахъ.

Центромъ мятежа первоначально служилъ г. Учань, столица Хубейской провинціи, откуда движеніе перебросилось на Ханьянь и Ханькоу. Такъ называемый въ Китаѣ «тронный городъ» (Учань, Ханьянь, Ханькоу) расположенъ на берегахъ р. Янцзы, при впаденіи р. Хань. Ханьянь и Ханькоу находятся на правомъ, сѣверномъ берегу р. Янцзы, а Учань—на противоположномъ, южномъ берегу той же рѣки, имѣющей здѣсь (600 миль отъ устья) ширину не менѣе мили и такую глубину, что сюда свободно подходятъ океанскіе пароходы и военныя суда средней осадки.

Передъ началомъ мятежа, вице-королемъ смежныхъ Хубейской и Хунаньской провинцій былъ пожилой манчжуръ Джуйченъ, всегда считавшійся однимъ изъ способнѣйшихъ администраторовъ. Когда же настала критическая минута, онъ заявилъ себѣ «отъявленнымъ трусомъ и тѣмъ самымъ не мало способствовалъ успѣшному распространенію возстанія». Главнокомандующій правительственныхъ войскъ, генераль Чжанбю «когда-то былъ денщикомъ у совѣтника богдыхана, Чжанъ-чи-туна, который всячески ему покровительствовалъ и далъ возможность быстро двигаться по службѣ». Впослѣдствіи это обстоятельство и привело къ треніямъ между Чжанбю и

генераломъ Ли-юань-хуномъ, начальникомъ 21-й смѣшанной бригады въ Учанѣ.

Ли пользовался огромнымъ авторитетомъ среди своихъ войскъ и «въ короткое время переманилъ всѣхъ офицеровъ на свою сторону», въ чемъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ Чжанбюо проявлялъ неслыханную жестокость. «Офицеры наказывались имъ розгами, а солдатъ подвергали пыткамъ. Ближайшіе его сотрудники слѣдовали примѣру своего начальника». Недовольство солдатъ росло и революціонеры этимъ воспользовались для привлеченія войскъ на свою сторону. Подготовкѣ возстанія благопріятствовало и расформированіе въ Ху-куанскомъ вице-королевствѣ войскъ стараго образца, являвшихся главной опорой провинціальной администраціи и неоднократно доказывавшихъ «свою непоколебимую вѣрность при всѣхъ проявленіяхъ внутренней смуты».

Что же касается «модернизированныхъ» войскъ, то изъ квартировавшихъ въ Хубейской провинціи 18 тысячъ наиболѣе надежная половина была двинута въ Сычуань для подавленія тамошняго мятежа. Правительство проглядѣло, что «центръ революціонной организаціи находится не въ Сычуаньской, а въ Хубейской провинціи— въ Учанѣ и Ханькоу».

4-го сентября 1911 г. правительство разослало всѣмъ провинціальнымъ властямъ телеграмму, предупреждая, что революціонное движеніе можетъ распространиться, такъ какъ «революціонеры вошли въ соглашеніе съ инородцами» и вмѣстѣ съ ними призываютъ народъ къ возстанію. Но истинное положеніе стало выясняться въ Хубей уже послѣ ухода войскъ въ Сычуань. Тогда вице-король издалъ рядъ обязательныхъ постановленій. Между прочимъ устанавливалось, что «живущіе въ гостинницахъ не имѣютъ права тушить огонь въ своихъ комнатахъ и должны ложиться спать молча, не перешептываясь между собою».

26-го сентября, въ 7 ч. вечера, къ вице-королю явился «отставной капралъ старыхъ провинціальныхъ войскъ» и доложилъ, что «ровно въ полночь мятежники намѣрены поднять бунтъ и овладѣть Учаномъ». Не успѣлъ вице-король выслушать капрала, какъ получилъ извѣщеніе, что «въ русскомъ селтментѣ захвачена группа революціонеровъ» и масса компрометирующихъ документовъ; въ Учанѣ тоже разгромили 2 революціонныхъ притона. Богатство арестованныхъ документовъ ускорило взрывъ мятежа, такъ какъ «революціонеры и солдаты предвидѣли крушеніе всѣхъ своихъ плановъ и опасались новыхъ казней».

Военный бунтъ начался въ ночь на 28-е сентября. Запылали казармы и ямынь вице-короля, стремительно бѣжавшаго на канонерскую лодку «Ця-шань». На сторонѣ правительства остались 2 баталіона манчжурскихъ войскъ и нѣсколько кавалеристовъ. Эта горсть людей заняла позицію около Учанскаго казначейства и «оказала мужественное сопротивленіе въ теченіе всей ночи и части слѣдующаго дня», покуда не подошли къ концу патроны. Революціонеры хитростью овладѣли Ханьянскимъ арсеналомъ и городомъ, откуда они легко захватили китайскую часть г. Ханькоу.

Генералисимусомъ «народной арміи» явился извѣстный ген. Ли юань-хунъ. Ему 40 лѣтъ, образованіе получилъ въ Пэй-янскомъ морскомъ училищѣ; пополнилъ свои военныя познанія въ Японіи, гдѣ и присоединился къ революціонной партіи. Подъ знаменами Ли собралось не болѣе 5 тысячъ регулярныхъ войскъ, къ которымъ быстро присоединились мѣстные милиціонеры, что въ общемъ составило 25 тысячъ чел., т. е. около двухъ дивизій. По словамъ самого Ли, почти всѣ рекруты получили подготовку «поочередно, дабы не возбудить подозрѣнія мѣстныхъ властей», обучаясь военнымъ приемамъ въ милиціи. Прежде всего Ли уплатилъ солдатамъ задержанное за 4 мѣсяца жалованіе и далъ авансъ за слѣдующій мѣсяць, а плату войскамъ удвоилъ, назначивъ грамотнымъ 12 таэлей въ мѣсяць и неграмотнымъ—8 таэлей. Спустивъ флагъ съ дракономъ, революціонеры подняли красные флаги съ бѣлой звѣздой на голубомъ полѣ. «Эта звѣзда явилась знакомъ вниманія по отношенію къ С.-А. Соединеннымъ Штатамъ, якобы вдохнувшимъ въ китайцевъ идеи свободы и независимости».

Въ это время въ Чжилійской провинціи должны были начаться осенніе маневры, къ которымъ предполагалось привлечь около 33 тысячъ чел. Большая часть этихъ войскъ была уже сосредоточена у г. Юнтинфу, что значительно облегчило формированіе отряда, отправляемаго противъ мятежниковъ. Не обошлось, конечно, безъ задержекъ разнаго рода, а главнымъ образомъ изъ-за отсутствія дисциплины въ войскахъ и необходимости строго выбирать части, еще не зараженныя революціонной пропагандой. Офицеры, родомъ изъ Хубейской провинціи, «въ томъ числѣ начальникъ 6-й дивизіи ген. Ву-лу-чжень, отказались выступить противъ своихъ земляковъ».

Во всякомъ случаѣ, военный министръ Инчанъ справился съ своей задачей и 4-го октября съ главными силами переправился черезъ р. Хуань-хэ.

Вожди возстанія намѣренно медлили, выжидая, чтобы вѣсть объ успѣхахъ революціи распространилась по сосѣднимъ провинціямъ. Небольшой отрядъ правительственныхъ войскъ, отступившій изъ Учана, устроился въ лагерѣ у Ханькоу, къ которому подошла правительственная эскадра и приближались первые эшелоны Инчана.

Ли понялъ, что медлить становилось опасно. Бой у Ханькоу начался 5-го октября и окончился на слѣдующій день полнымъ отступленіемъ правительственныхъ морскихъ и сухопутныхъ силъ. Этотъ успѣхъ поднялъ духъ революціонеровъ и сдѣлалъ ихъ хозяевами всего средняго и верхняго теченія Янцзы. Въ нѣсколько дней они безъ затрудненія овладѣли цѣлымъ рядомъ городовъ и даже провинцій. Активными силами революціонеровъ «явились почти исключительно войска новаго формированія, уже давно распропагандированныя революціонерами и озлобленныя засиліемъ манчжуровъ». Этимъ силамъ и пришлось вступить въ борьбу съ войсками Инчана.

5-го октября онъ находился еще въ 130 миляхъ къ сѣверу отъ Ханькоу, имѣя 20 тысячъ чел. Авангардъ перевалилъ горный хребетъ между Хенаньской и Хубейской провинціями, обезпечивъ Инчану обладаніе важнымъ для него желѣзнодорожнымъ тунелемъ. 12-го октября Инчанъ продвигаетъ уже свою штабъ-квартиру въ Сяоканъ, въ 30 миляхъ къ сѣверо-западу отъ Ханькоу, а авангардъ достигъ Шекоу, въ 10 миляхъ отъ Ханькоу.

Войска Ли заняли позиціи въ разстояніи 1—2 миль отъ Ханькоу и иностранныхъ концессій. Инчанъ двинулся отъ Шекоу 12-го октября, на другой день безпрепятственно переправился черезъ рѣчку, протекавшую впереди позиціи Ли, и направилъ ударъ на его правый флангъ, совмѣстно съ правительственными судами, открывшими фланговый огонь по правому крылу революціонеровъ, начавшихъ беспорядочное отступленіе черезъ дворы иностранныхъ концессій. Къ вечеру Инчанъ атаковалъ и лѣвое крыло мятежниковъ, у скакового поля; подъ прикрытіемъ ночи, революціонеры очистили Ханькоу и отошли въ Ханьянь и Учанъ.

Очевидцы этихъ боевыхъ столкновеній «съ величайшими похвалами отзываются о мужествѣ и смѣтливости какъ имперіалистовъ, такъ и революціонеровъ». По словамъ «Kölnische Zeitung», правительственныя войска «наступаютъ превосходно, развертываются безупречно, солдаты молодежаваты, мужественны и хорошо дисциплинированы; офицеры имѣютъ интеллигентный видъ.... Замѣчательно съ какимъ уваженіемъ относятся ко всему нѣмецкому, и теперешняя война въ Китаѣ является новой большою рекламою Германіи».

17-го октября почему-то (вѣроятно по распоряженію Юань-ши-кая) Инчань сдалъ командованіе побѣдоносной арміей ген. Фынъ-го-чжану, который приказалъ поджечь Ханькоу. Пожаръ города оказался на-руку противнику, получившему подкрѣпленіе и вновь занявшему нѣкоторыя уже потерянные позиціи. Въ эти дни въ Ханькоу «происходилъ какой-то адскій шабашъ». Манчжуры «обрушились на мирное населеніе города и проявили необычайное звѣрство».

Тѣмъ временемъ, вторая армія, въ составѣ частей, прибывшихъ изъ Манчжуріи, сосредоточенная у Шанхайгуаня и Лянчжоу, «предъявила трону рядъ категорическихъ требованій, отказываясь впредь до ихъ исполненія принимать какое-либо участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Хубейскихъ революціонеровъ». На слѣдующій день по предъявленіи этихъ требованій ген. Чжаномъ, началась «полная капитуляція власти передъ военной лигой и конституціонной палатой». Изданы были 5 указовъ, явившихся «официальнымъ признаніемъ наденія манчжурской автократіи, господствовавшей въ Китаѣ ровно 265 лѣтъ».

Положеніе въ столицѣ было плачевно. Ежедневно Пекинъ покидало 15 тысячъ чел. Открыто говорилось о возможности дворцоваго переворота, о приготовленіи двора къ бѣгству, «по однимъ слухамъ въ Мукденъ, по другимъ—черезъ Монголію въ Россію». Населеніе столицы ожидало всевозможныхъ эксцессовъ» со стороны 100 тысячъ пекинскихъ манчжуръ, которые въ свою очередь страшились китайцевъ. «Регентъ на пріемѣ новаго министра внутреннихъ дѣлъ имѣлъ крайне подавленный видъ, а въ концѣ аудіенціи разразился горькими слезами». А тутъ, какъ на зло, произошло событіе, еще болѣе усиливавшее рознь между китайцами и манчжурами. Ген. Ву-лу-чженъ, «одинъ изъ популярнѣйшихъ китайскихъ генераловъ, вдохновитель и фактическій руководитель военной лиги», посланный для переговоровъ съ шанхайскими мятежниками, былъ убитъ манчжурскими солдатами, заявившими, что сдѣлали это въ виду тайнаго сочувствія генерала революціонерамъ. Интересно, что истиннымъ виновникомъ убійства Ву-лу-чжена называютъ Юань-ши-каю, систематически уничтожавшаго всѣхъ своихъ соперниковъ.

Между тѣмъ сформировалась новая штабъ-квартира республиканцевъ въ Шанхаѣ, гдѣ долженъ былъ состояться съѣздъ делегатовъ всѣхъ возставшихъ провинцій для избранія временнаго центрального правительства. Одновременно военный совѣтъ республиканцевъ, собравшійся въ Сучжоу, обсуждалъ планъ овладѣнія Нанкингомъ, неожиданно оказавшимъ энергичное сопротивленіе. Было

рѣшено предложить офицерамъ нанкинскаго гарнизона 500 тысячъ долларовъ за прекращеніе сопротивленія.

Съ хубейскими революціонерами велись переговоры делегатами Юань-ши-кай при посредствѣ русскаго генеральнаго консула г. Петроверхова. Переговоры, длившіеся болѣе 4 часовъ, не привели къ желательному результату, но «можно было констатировать извѣстное сближеніе точекъ зрѣнія». Шанхайцы тоже не отказывались отъ переговоровъ съ Юань-ши-каемъ, а покуда ихъ съѣздъ «завоевалъ крупное политическое значеніе и привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе». Но Юань-ши-кай перешелъ къ энергичной борьбѣ, объявивъ, что «виновники какихъ бы то ни было революціонныхъ выступленій будутъ караться смертной казнью». Вмѣстѣ съ тѣмъ, къ правительственной арміи въ Ханькоу, «не торопясь, но систематически», посылались подкрѣпленія.

10-го ноября главная квартира имперіалистовъ у Ханькоу получила отъ Юань-ши-кай приказаніе «взять Ханьянъ какой угодно цѣной». И вотъ, 12-го ноября ген. Фынъ переправился вечеромъ черезъ Хань по понтоннымъ мостамъ, сооруженнымъ германскими инструкторами, а на слѣдующее утро повелъ «яростный приступъ на внѣшніе форты Ханьяна. Къ ночи два внѣшнихъ форта были взяты, утромъ 14-го ноября приступъ возобновился». Революціонеры были деморализованы, покинули сильно укрѣпленный «черепаший холмъ», были выбиты изъ Ханьяна и бѣжали, преимущественно черезъ рѣку, по направленію къ Учану». Военныя суда на этотъ разъ уже сражались на сторонѣ революціонеровъ и подверглись жестокой бомбардировкѣ прибрежныхъ батарей имперіалистовъ. «Вообще въ этотъ день на р. Янцзы произошла ужасная беспощадная бойня». 15-го ноября военныя дѣйствія прекратились и при посредствѣ англійскаго консула было заключено перемиріе на 3 дня понемногу продолженное до конца января.

Поведеніе имперіалистовъ по отношенію къ иностранцамъ постепенно ухудшалось; особенно это отразилось «на нашихъ соотечественникахъ, лишенныхъ въ Ханькоу сколько нибудь надежной охраны и оказавшихся вынужденными до прихода «Манчжура» пользоваться защитой японскаго, а послѣ прихода «Манчжура» (высадившаго десантъ для охраны русской концессіи) — итальянскаго десантовъ». Только 22-го ноября прибылъ «небольшой русскій отрядъ, такъ долго и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшійся нашими Ханькоусцами».

Въ день взятія имперцами Ханькоу, революціонеры штурмовали Нанкинъ и овладѣли имъ. Штурмъ начался 12-го ноября послѣ усиленной артиллерійской подготовки. «Каждый фортъ, каж-

дая пядь земли стояли революціонерамъ потоковъ крови». Только 17-го ноября атакующіе овладѣли «Пурпуровой горой», послѣ чего оборона перешла въ самый городъ, державшійся еще нѣсколькихъ дней.

Тревожно стало и положеніе окраинъ. Въ южной Манчжуріи явно обнаружались революціонныя теченія «отчасти автономнаго, отчасти республиканскаго характера». Въ Монголіи же и Тибетѣ населеніе стремится не къ автономіи и не къ республикѣ, а «къ національно-государственной независимости».

Ламаитскій владыка А-ванъ, подъ начальствомъ котораго числится свыше 1500 монаховъ, заявилъ: «Наша нація считается родственной манчурамъ. Въ случаѣ побѣды китайцевъ надъ послѣдними, положеніе монголовъ можетъ сильно ухудшиться. Побѣдители, я въ томъ увѣренъ, постараются прибрать монголовъ покрѣпче къ своимъ рукамъ и въ этихъ цѣляхъ не будутъ стѣсняться въ средствахъ. Нашему монгольскому народу останется одно средство спасенія—эмигрировать въ Сибирь, которую мы считаемъ второй родиной».

Одинъ изъ монгольскихъ князей съвернаго горлоса высказалъ, что монголы ни въ какомъ случаѣ не подчинятся чуждому и ненавистному имъ китайскому правительству. «Единственное затрудненіе для того, чтобы сбросить китайскій гнетъ—недостатокъ оружія. Денегъ собрано больше, чѣмъ нужно, и уже устроена правильная организація: армія будетъ состоять изъ 120 тысячъ монголовъ».

Наконецъ, въ Тибетѣ китайскія войска взбунтовались и намѣревались покинуть край, а населеніе требовало возвращенія Далай-Ламы, который ничего не имѣетъ противъ побѣдки въ Лхасу.

Мирные переговоры правительства съ революціонерами начались въ Шанхаѣ 5-го декабря. Республиканцы поставили первымъ условіемъ «прекращеніе военныхъ дѣйствій на всѣхъ театрахъ войны и отступленіе императорскихъ войскъ на разстояніе 100 миль отъ занятыхъ ими позицій, въ томъ числѣ и отъ Ханьяна и отъ Ханькоу». И уполномоченные Юань-ши-кая согласились... по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, которыя «не могли, конечно, найти отклика среди побѣдоносныхъ императорскихъ войскъ подъ Ханькоу и Ханьяномъ». Войска «громко роптали и лишь съ большою неохотой рѣшили эвакуировать доставшіяся имъ съ такимъ трудомъ позиціи».

15-го января истекъ срокъ перемирія и обѣ стороны стали готовиться къ продолженію борьбы. Вскорѣ получило извѣстіе о наступленіи республиканцевъ на сѣверъ тремя колоннами: отъ Ханькоу по Пекинъ-Ханькоуской жел. дорогѣ; отъ Нанкина по Пукоу-

Пекинской жел. дор. и отъ Шанхая, моремъ, въ обходъ Пекина. Авангардъ ген. Линь-тянь-вея быстро прибылъ и безпрепятственно высадился въ Чифу.

Положеніе имперіалистовъ, успѣвшихъ сосредоточиться у Пекина, представлялось далеко не безнадежнымъ. Они усилились призывомъ новобранцевъ и могли возобновить наступленіе. Что же касается республиканцевъ, то имъ предстояло серьезное испытаніе въ борьбѣ съ лучшими частями имперской арміи, безусловно преданными Манчжурской династіи. Но до возобновленія военныхъ дѣйствій дѣло не дошло; возобновились переговоры и правительство приняло предложеніе Сунь-ятъ-сена продолжать перемиріе.

Дальнѣйшія событія извѣстны. 31-го января Юань-ши-кай издалъ указъ, въ которомъ именуется себя «полномочнымъ организаторомъ республики» и призываетъ «всѣ гражданскія, военныя и полицейскія власти къ поддержанію порядка и къ дальнѣйшему исполненію своихъ внѣшнихъ обязанностей». Въ проектированной республиканской конституціи предусмтрѣны свободы вѣроисповѣданія и введеніе всеобщей воинской повинности. Рѣшено сформировать 6 военныхъ округовъ въ собственномъ Китаѣ и 4 на окраинахъ: въ Манчжуріи, Монголіи, Восточномъ Туркестанѣ и Тибетѣ.

Трудно предположить, что «новоявленная китайская республика будетъ проникнута самыми мирными тенденціями и явится сущимъ благомъ для человѣчества». Daily Graphic основательно считаетъ подобный взглядъ совершенно ошибочнымъ, такъ какъ сейчасъ «нѣтъ недостатка въ симптомахъ, заставляющихъ предполагать, что китайская республика приметъ характеръ военной диктатуры Кромвеля, усиленной спѣшнымъ введеніемъ воинской повинности».

Исторія китайской революціи рѣзко противорѣчитъ предвзятымъ понятіямъ о характерѣ китайцевъ и «отъ новой Срединной республики слѣдуетъ ожидать въ будущемъ всяческихъ неожиданностей, причемъ далеко не исключена возможность созданія изъ Китая сильнаго современнаго военнаго государства и его могучаго выступленія на аренѣ міровой политики».

Трудно не согласиться съ заключеніемъ Daily Graphic, что, во всякомъ случаѣ, спѣшныя вооруженія новаго республиканскаго правительства «не могутъ оставаться безразличными для великихъ державъ, которымъ отнынѣ надлежитъ съ сугубымъ вниманіемъ слѣдить за ходомъ событій въ Китаѣ».

А. Апухтинъ.